

11. Снова за работу

Казалось более разумным уехать из Юты на некоторое время. Когда поход Смита на горы Генри был завершен, они с Хейдьюком к ночи уехали из Хенксвилля на запад, вокруг западной оконечности гор, и дальше на юг по грунтовой дороге вдоль Уотерпокет Фолд. Там никто не живет. Доехав до Шумящего прохода, они преодолели зигзагами крутой подъем в полторы тысячи футов к вершине Фолда. На полпути к перевалу они обнаружили беззащитный бульдозер Катерпиллер D-7 Дорожной службы, стоящий у края дороги, и остановились, чтобы передохнуть и перекусить.

Это отняло всего несколько минут. Работа становилась простой и однообразной. Смит караулил на вершине горы, а Хейдьюк тем временем просверливал дыры, как в Ком Уош, добавив к этой отлаженной технике последний штрих: выливал топливо из топливного бака в канистру; поливал им блок двигателя, кабину оператора и прицеп; поджигал.

Смит не вполне одобрял последний шаг. — Это же как раз может какая-нибудь зараза заметить из ироплана там в небе, — жаловался он.

Он взглянул вверх; ласковые звезды смотрели вниз. Одна космическая капсула, плотно набитая космонавтами и другими материалами, скользнула по звездному полю, вошла в тень Земли и исчезла. Один реактивный лайнер компании TWA, летящий курсом в Чикаго на высоте 29 000 футов и видимый только благодаря своим бортовым огням, пересек южный небосклон. Больше никто не болтался вокруг в такое позднее время. Ближайший городок — Боулдер, с населением 150 человек, — находился на расстоянии тридцати пяти миль к западу. Ближе не жил никто.

— Кроме того, — продолжал Смит, — не слишком много от этого проку. Все, чего ты добиваешься, — только сжигаешь краску.

— Ну, черт, — у Хейдьюка перехватило дух, он задышался, не в силах спорить. — Черт... фью!... мне просто нравится... х-ха!... ну, вроде... ах-ха!... доводить дело до конца. Пиромантик.

Из огненного зарева умирающей машины — смертельный случай — донесся приглушенный звук небольшого взрыва. За ним — еще один. Фонтан искр и куски горячей смазки взлетели в воздух.

Смит вздрогнул. — Давай убираться отсюда.

Деревню Боулдер они проехали к середине ночи. Спящие жители вздрагивали, услышав шум проезжающего грузовика, но никто их не видел. Они повернули на юг и поехали по водоразделу между рукавами реки Эскаланте, спустились в каньон, поднялись на другую сторону среди бледных куполов косослоистого песчаника в сотни футов высотой. Древние

дюны, превратившиеся в камень несколько раньше. Через пять миль к востоку от городка Эскаланте Смит повернул влево на дорогу, именовавшуюся Дыра-в-Камне.

— Куда едем?

— Срезаем напрямик в Глен Каньон Сити. Поднимемся вверх через середину плато Кайпаровиц.

— Я не знал, что туда есть дорога.

— Можешь называть ее и так.

Огни буровых вышек мерцали вдалеке, по огромным ненаселенным просторам террас Эскаланте. Время от времени они проезжали по дороге мимо знакомых названий на небольших металлических указателях направлений на поворотах: Коноко, Арко, Тексако, Галф, Эксон.

— Всюду эти ублюдки, — проворчал Хейдьюк. — Давай доберемся до этих вышек.

— Да там работают как раз. Там на холоде, в четыре утра, вкалывают, как рабы, чтобы обеспечить всех нефтью и газом, и вот этот здесь наш грузовик то же самое. Так что мы с тобой можем помочь саботировать все мировые планетарные машины. Прояви хоть немного благодарности.

К рассвету они уже катили на юго-восток под крутыми фасадами Скал Пятидесяти Миль. Дорога Дыра-в-Камне была тупиковой для автомобилей, но они поехали другим путем, вверх по дороге, ведущей через плато.

По дороге Хейдьюк обнаружил геофоны. — Стоп!.

Смит остановился. Хейдьюк выпрыгнул из машины и вырвал ближайший геофон из земли вместе с проводами, соединявшими его со всей системой. Геофоны предназначены для поиска залежей полезных ископаемых, для сейсмических исследований путем анализа различных видов вибраций — сейсмограмм — в подстилающих горизонтах. Вибрации эти создаются зарядами, помещаемыми в пробуренные отверстия. Хейдьюк намотал петлю кабеля на бампер грузовика и вернулся в кабину.

— Хорош, поехали. — Он открыл банку пива. — Господи, как я есть хочу.

Смит поехал дальше. За ними, по мере натяжения кабеля, все новые и новые геофоны начали выскакивать из земли и бежать вдогонку за грузовиком, приплясывая в пыли. Десятки дорогих приборчиков, преждевременно вырванных из земли. По мере их продвижения вперед грузовик вырывал еще и еще, целую кучу.

— Скоро, вот только солнце взойдет, — пообещал Смит, — мы сообразим себе завтрак. Скоро, вот только выберемся из этих открытых мест и доберемся до леса.

Они доехали до грунтовой дороги и повернули по ней направо, на юг, к высоким скалам. Хейдьюк увидел еще что-то. — Стоп!

Смит неохотно остановил грузовик. В холодном голубом свет начинающегося дня они глядели вперед, через сплошные заросли полыни, где в полумиле от них стояла буровая вышка, казавшаяся безлюдной. Ни фонарей, ни движения, ни автомобилей. Хейдьюк потянулся ха биноклем, взял его и стал изучать сцену.

— Редкий, там никого нет. Никого.

Смит посмотрел на восток. Облака в той стороне медленно окрашивались в лососево-розовый цвет. — Джордж, мы тут, как на ладони. Если кто-нибудь появится ...

— Редкий, там есть для нас работа.

— Не больно-то оно мне здесь нравится. Нечем здесь нам совсем прикрыться.

— Это наш долг.

— Наш первейший долг — не дать себя повязать.

— Хейдьюк подумал. Это было верно. В этом утверждении была правда. — Но она уж слишком хороша, чтоб можно было проехать мимо. Только погляди на эту штуку. Такой славный здоровенный складной ножик, и ни одного нефтяника на десять миль вокруг.

— Они могут приехать абсолютно в любой момент.

— Редкий, я должен сделать это. Я здесь выйду и пройду туда пешком. Ты поезжай в тот каньон, которого отсюда не видать. Начинай готовить завтрак. Побольше кофе. Я буду с тобой через час.

— Джордж...

— Все равно мне пешком спокойнее. Если кто-нибудь появится, я спрячусь в полыни и дождусь ночи. Если я не появлюсь, скажем, через два часа, поезжай наверх, в лес, и жди меня там. Оставь какой-нибудь знак у дороги, чтобы я не проскочил твой поворот. Дай я возьму свой рюкзак.

— Ну, Джордж, черт тебя дери...

— Не беспокойся.

Хейдьюк вышел из машины, взяв из кузова свой рюкзак, в котором была еда, вода, инструменты, спальник — все уже готовое, запакованное. Оглянувшись назад, он увидел за задним бампером около полумили кабеля с геофонами, стоимостью не менее двадцати тысяч долларов. Их нужно было куда-нибудь девать.

— Эти геофоны с этим кабелем... — сказал он.

— Я от них избавлюсь, — ответил Смит.

Хейдьюк направился через полынь, которая была ему по пояс. А Смит поехал дальше, таща за собою по дороге имущество нефтяной компании. Тонкий слой пыли поднимался за ним в воздух и плыл, освещенный солнцем, как крученая золотая нить.

На полпути к своей цели Хейдьюк наткнулся на автомобильную дорогу, ведущую к буровой. Плотнo прикрепив рюкзак, он бросился бегом. Он устал, проголодался, перегрузился пивом. В голове было пусто, в желудке тошно, но адреналин, азарт и высокая, благородная цель поддерживали его.

Вот и вышка. Вокруг — никого. Он вскарабкался по стальной лестнице на платформу. В одном ее углу стояли стеллажи с шестидюймовыми стальными трубами. На цепях свисали противовесы. Скважина, прикрытая только стальной крышкой, была пуста. Он поднял крышку и заглянул в темное отверстие. Он знал, что некоторые из этих скважин достигают глубины шесть миль, более 30 000 футов — глубже, чем высота Эвереста. Он достал первый попавшийся не закрепленный предмет — им оказался двухфутовый трубный ключ, — и бросил его в отверстие. Наклонив к нему ухо, он прислушался. Падающий ключ издавал свистящий звук; по мере падения он становился все слабее, но выше тоном, переходя в стон. Совершенно произвольно Хейдьюк представил себе живое существо, падающее в эту жуткую трубу, скажем, ногами вниз, глядя на уменьшающуюся точку света, означающую надежду, и воздух, и простор, и жизнь. Он не услышал или не смог услышать, как ключ упал на дно.

Он огляделся, что бы еще такое можно было бросить в скважину. Там были гаечные ключи, цепи, куски бура, коронки, трубная арматура, гайки, болты, лом, обломки обсадной трубы — все, что он мог найти и подходило по размеру, со свистом летело в черную дыру. Он даже попытался поднять и дотащить до нее один отрезок трубы, но это оказалось слишком для одного человека. Требовался еще один мужчина, чтобы подхватить другой конец трубы, стоя на узенькой площадке на восемьдесят футов выше.

Устав швырять разные вещи в скважину, он обратил внимание на большие двигатели Гарднер-Денвер, приводившие в движение буровой станок. Он рывком открыл ящик с инструментами, нашел торцовый гаечный ключ нужного размера, вполз на спине под двигатели и открутил у каждого пробку картера, чтобы вылить масло. Потом запустил их.

Голыми руками больше ничего он сделать не мог. Если бы у него был термит, он бы поджег опоры буровой вышки; если б взрывчатка — он бы ее взорвал. Но у него не было ни того, ни другого.

На песке Хейдьюк оставил свою подпись: Н Е М О. Он глотнул воды из фляги и огляделся вокруг. Мир пустыни казался абсолютно безлюдным, если не считать его самого. Воробьи с черными горлышками тонко чирикали в зарослях полыни. Край солнца полыхал за гребнем Дыры-в-Камне. Священная страна; именно поэтому он должен делать именно ту работу, которую он и сделал именно сейчас. Потому что кто-то же должен ее делать.

Он пошел к каньону и скалам, заворачивая к дороге, по которой уехал Смит. (За его спиной выли, умирая, двигатели на буровой). По пути он срывал побеги полыни и растирал между пальцами их рыхлые листья — серебристо-голубые и серо-зеленые. Он любил этот резкий запах полыни — это редкое, тревожащее благоухание, которое само по себе пробуждало воспоминание о целом мире Юго-Запада: мире каньонов, столовых гор, крутых горных склонов, ярчайшего сияния солнца и призрачных видений.

Ладно, большеногий, хорош, умник, вот и колея джипа; теперь мы входим во влагалище каньона, чтобы добраться до матки плато; и где же наш козел Редкий Гость Смит?

Ответ оказался за ближайшим поворотом: полмили кабеля с геофонами, собственность Стендерд Ойл, Калифорния, лежащая на камнях и в пыли. По дороге он подобрал их все и затащил в сосновую рощу, где стоял грузовик. Там не оказалось никого. Но запах вскипевшего ковбойского кофе, запах жареной ветчины выдавали местонахождение Смита.

— Ты кое-что забыл, — сказал Хейдьюк, волоча за собою в лагерь огромный спутанный клубок кабеля и геофонов.

Смит вскочил. — Господи Иисусе! — Ветчина шипит. Кофе дымится. — Забыл, тупица!

Они спрятали все это на намытом песчаном островке под валуном, где ближайший же ливень похоронит его под тоннами песка и гравия.

После завтрака, все еще не вполне освободившись от жажды исследований и открытий, они поехали по плато к перевалу. Высокое и прохладное плато представляло собою лесной массив желтой сосны, перемежавшейся с низкорослым кустарником. Они свернули с автомагистрали на тупиковую боковую дорогу (где их грузовик был тщательно очищен ивняком и кустами), улеглись на солнышке на сосновых иглах, безразличные к суевающимся вокруг муравьям, белкам, хохлатым сойкам, к мошкаре, танцующей в солнечных лучах, и заснули.

Проснувшись уже около полудня, они перекусили сыром и крекерами, хорошенько промочив горло добрым дешевым пивом рабочего человека. Не «Курс»'ом. Отправившись дальше по дороге, идущей лесом, они жевали яблоки на десерт.

Хейдьюк, никогда прежде не бывавший на плато Кайпаровиц, видевший его только снизу или через системы различных каньонов, был удивлен, увидев, каким обширным, лесистым, каким благоухающим и прелестным был этот островок земли. Однако, не защищенное никем, кроме этого гибкого камыша, этой податливой соломинки, этой дрожащей былинки, именуемой Департаментом внутренних дел США, от нескольких домогающихся ее консорциумов нефтяных компаний, энергетических компаний, угледобывающих компаний, дорожных строителей и других застройщиков, плато Кайпаровиц, как и Черная гора, как и высокогорные долины Вайоминга и Монтаны, ожидал такой же штурм, который разорил и опустошил Аппалачи.

Сменим тему. Ключья облаков, как отдельные фразы и абзацы какого-то непонятного, волнующего послания, проплывали над лесистыми кряжами, над неприступными скалами,

безлюдными пространства одиноких столовых гор. Следом за ними проплывали их тени, без труда принимая форму каждой трещины, искривления, складки, утеса на морщинистой коже земли Юты.

— Мы еще в Юте?

— Это точно, дружище.

— Еще по пиву?

— Нет, — пока не переедем границу Аризоны.

Дорога жалась к самому хребту кряжа, извиваясь синусоидой по направлению к голубым дымам Дымных гор. В один прекрасный, давно ушедший летний день тысячу — десять тысяч? — лет назад молния подожгла там угольный пласт, и с тех пор он тлеет и тлеет под уступами этих гор.

Погони, как будто, не было. Да и почему бы ей следовало быть? Они ничего плохого не сделали. Пока что они все делали правильно.

Внизу на солончаках, где росли только лебеда, чолья да крапчатый болиголов, они встретили небольшое стадо белолобых коров, бредущих на верхние пастбища. Ходячая говядина, беды ищут. То, что Смит любил называть «медленные олени», с удовольствием считая их надежным источником мяса в трудные времена. Как он выживает, этот скот, пасущийся на бросовых землях? Именно он, этот крупный рогатый скот, и создал, собственно, эти бросовые земли. Хейдьюк и Смит все оттягивали необходимость выйти из машины, достать старые клещи и разрезать ограждения.

— Всегда режь ограждения — никогда не ошибешься, — говаривал Смит. — Особенно овечьих загонов. (Щелк!) — Но и коровьих загонов тоже. Любые ограждения.

— Кто изобрел колючую проволоку, хотел бы я знать? — спросил Хейдьюк. (Клак!)

— Мужчина по имени Дж. Ф. Глидден; запатентовал ее еще в 1874 году.

Эта колючая проволока стала сразу пользоваться успехом. Теперь каждую зиму повсюду, от Альберты до Аризоны, погибают тысячи антилоп, сотни горных баранов, потому что эти ограждения отрезают им пути спасения от метели и засухи. И койоты тоже гибнут, и беркуты, и солдаты-крестьяне, зацепившиеся за ее витки, одинаково жестокие во всем мире, — повисают замертво на колючей стали.

— Никогда не ошибешься, если режешь ограды, — повторял Смит, все более увлекаясь своей работой. (Клинг!) — Всегда режь ограду. Западнее сотого меридиана это — закон. К востоку от него ничего такого важного в этом нет. Там уж все равно все давно потеряно. Но к западу — режь ограды. (Плинг!)

Они приехали в Глен Каньон Сити — население 45 единиц, считая собак. Единственный магазин города был закрыт, на дверном косяке, прибитая одним ржавым гвоздем, болталась безнадежная вывеска, качавшаяся на ветру. Скоро она упадет. Были открыты только кафе и бензозаправка. Смит и Хейдьюк остановились у заправки.

— Когда же вы постройте вашу электростанцию на сорок миллионов долларов, отец? — спросил Хейдьюк старика, работавшего у насоса. (Тексако, 55 центов галлон). Старик, с длинной челюстью и флегматичным взглядом, посмотрел на него с недоверием. Растрепанная борода Хейдьюка, и взлохмаченные волосы, и замасленное кожаное сомbrero выглядели достаточно дико, чтобы вызвать подозрение в ком угодно.

— Пока что точно еще не знаю, — говорит старик. — Эти клятые природоохранники все задерживают.

— Не дают вам портить этот чертов воздух, — в этом все дело?

— Чего они, дураки, ни черта не понимают. Да здесь у нас столько вокруг воздуха, да ни один человек столько не выдышит. — Он машет костлявой рукой, указывая на небо. — Гляньте-ка вон туда. Столько там воздуха, на ваши клювы хватит. Сколько вам?

— Полный наливай.

Старик был одет в официальную униформу Тексако — зеленый с белым комбинезон. Нетронутый; похоже, стирался последний раз во время проливных дождей 1972 года. На рукаве у него была красная звезда компании Техас, а на кармане рубашки — его имя красным кантом: Дж. Келвин Гарн. Брюки его мешком висели на том месте его костлявой фигуры, где обычно вы нашли бы ягодицы, — если бы вы их искали, конечно. У Келвина, казалось, их вовсе не было. Старый, озлобленный человек, — да и ничего удивительного, совсем без зада. Можно доверить свою машину человеку со звездой на рукаве, но не тому, у которого задница вовсе отпала.

— Да-а, но, может, надо бы сохранить немножко для всех тех людей, которым приходится дышать городским воздухом там, на востоке, и дальше в Калифорнии.

— Ну, про это я ничего не знаю, — его глаза слезились от паров бензина. — Здесь вот тут это наш воздух, и мы сами лучше знаем, чего хотим с ним делать. Не любим мы, чтобы всякие чужаки из клуба «Сахара» пытались нам рассказывать, что нам делать с нашим воздухом.

— Ладно, но вот погляди на это вот как. Держите этот ваш тут чертов воздух чистым, и сможете его потом продавать этим городским пижонам кувшинами, как чистую родниковую питьевую воду.

— Мы уже об этом думаем. Не даст это много денег.

— Можно прицепить им на нос счетчики, как только переедут границу вашего штата.

— Да думали мы про это, да нету опять же на это денег. Есть же стоимость у этого разрешения, которое вам надо купить у этого клятого штата. Масло проверять будем?

Они поехали дальше, к Воувип Марина, пересекли границу Аризоны, где Хейдьюк оставил свою машину несколько недель назад. Он решил, что теперь она ему нужна, особенно железки внутри. Он завел ее и поехал вслед за Смитом к мосту через Глен Каньон. Припарковав машины, они пошли на середину моста молиться.

Ну что ж, Бог, я вернулся, — начал Смит, стоя на коленях с опущенной головой. — Это снова я, Смит; я вижу, ничего ты тут здесь с этой плотиной не сделал. Теперь-то ты знаешь не хуже меня, что если эти чертовы мужики из правительства, будь они все прокляты, заполнят ее водой, она затопит еще много каньонов, пропитает водой еще больше деревьев, утопит еще больше оленей, и вообще разрушит тут все эти окрестности. Чего там, эта вода подыметса до самого Радужного моста, если ты позволишь им заполнить доверху эту плотину. Ты что, собираешься им это позволить?

Несколько туристов остановилось поглазеть на Смита; один поднял фотоаппарат. Хейдьюк, стоя на карауле, положил руку на рукоятку своего ножа в чехле и глянул на него. Они ушли. Смотрительница парка не появлялась.

— Ну, так что, Бог? — спросил Смит. Он помолчал, покосившись одним глазом вверх, на небо, где процессия облаков, выстроившись, как армада галеонов, плыла на восток, подгоняемая попутным ветром в сторону приближающейся ночи, подальше от солнечных лучей на западе.

Снова никакого ответа. Смит наклонил голову и продолжал свою молитву, стоя на коленях на холодном цементе, возведя к небесам свои загорелые руки.

— Нам всего-то нужно здесь одно маленькое при-цельное землетрясение. Всего один хирургически точный удар. Можешь сделать это прямо сейчас, прямо вот в эту секунду; я и Джордж здесь, мы не возражаем, мы полетим вниз вместе с мостом и со всеми этими невинными туристами, что приезжают тут со всего Союза, чтобы полюбоваться этим великим творением рук человеческих. Ну, что ты на это скажешь?

Никакой реакции, насколько мог судить глаз, или ухо, или другой орган чувств.

Еще через минуту Смит прекратил свое бесполезное мормонское бормотание и встал с колен. Он прислонился к парапету рядом с Хейдьюком и уставился на вогнутую гигантскую поверхность плотины.

После некоторого размышления Хейдьюк заговорил. — Ты знаешь, Редкий, — говорит он, — если бы мы могли как-нибудь забраться в сердце этой чертовой хреновины...

— У этой плотины нету сердца.

— Ну, ладно, если б мы могли забраться в ее кишки. Если я постригусь, и побреюсь, и одену костюм, и галстук, и новую желтую каску, и возьму в руки линейку со стеклышком, как у

всех этих инженеров землеустройства, так, может быть, — ну, просто, может же быть, — я бы добрался до их центра управления с мешочком какого-нибудь хорошего дерьма — TNT или еще чего ...

— Ты не можешь попасть туда вовнутрь, Джордж. У них там охрана. Все двери заперты. Ты должен иметь эмблему. Они должны тебя знать — очень строгие меры безопасности. И даже если б тебе удалось туда пробраться, так один маленький мешочек динамита много добра не сделает.

— Я имею в виду центр управления. Может, я прорвусь туда силой. Открою обводные туннели, выпущу всю воду из водохранилища, взорву там все устройства, чтоб они не могли закрыть туннели.

Смит грустно улыбнулся.

— Славная мысль, Джордж. Приятная. Но этого недостаточно. Они снова ее наполнят. Что нам действительно нужно, — так это три-четыре самых больших экскурсионных судна, на манер тех, что возят миллионеров, — вот эти, в шестьдесят пять футов. Мы их набьем удобрением и дизтопливом. И направимся по озеру прямо к плотине, легко и нежно, среди белого дня, а твоя подружка мисс Абцуг будет лежать на палубе в своем черном бикини...

— Ага. Девушка на палубе с большими титьками.

— Это идея. Так будет выглядеть естественнее. А потом мы типа тихонько, бочком подойдем вон к тому бону — его отсюда видать — который должен держать суда подальше от плотины, а мы его перережем. Среди бела дня.

— Как?

— Да черт же его знает, я не знаю как. Ты же Зеленый Берет; резать боны — твоя работа. Потом направим суда к плотине, и когда подойдем на подходящее расстояние, мы их взорвем и типа утопим у основания плотины, но так, чтобы они по инерции еще двигались вперед и опустились прямо на бетон.

— А мы? А Бонни в своем черном бикини?

— А мы будем грести к берегу на наших каноэ и по дороге разматывать провод для взрывных работ.

— Среди бела дня.

— Ну, пусть будет два часа утра, в бурную ночь. Вот, мы доберемся до берега, соединим провода от всех судов с электрическим взрывателем и взорвем заряд.

— А заряд придавлен миллионами тонн воды.

— Верно, Джордж. И прости-прощай, плотина Глен Каньона. Добро пожаловать, Глен Каньон и старая река Колорадо.

— Красота, капитан Смит.

— Спасибо, Джордж.

— Это не сработает.

— Наверно, ты прав.

Они вернулись к своим машинам и направились вверх по холму к супермаркету Большой Свињи, чтобы пополнить запасы продовольствия. Завершив это, уложив мясо и овощи в ящики со льдом, они заскочили отметить в ближайший бар в веселом, радужном и дружелюбном расположении духа. Там были строители в касках, несколько водителей в пропотевших майках, ковбои в покрытых слоем соли сомбреро.

Хейдьюк залпом опрокинул первую порцию Джим Бима и запил его кружкой пива Курс. Вытирая бороду, он повернулся к толпе, спиной к бару, его дружбан, старина Редкий Гость — рядом с ним, смотрит в другую сторону.

Когда музыкальный автомат — Тенесси Эрни Форд, Энгельберт Хампердинк, Хэнк Уильямс младший, Мерле Хаггард, Джонни Кэш и пр. — умолк на мгновение, Хейдьюк произнес, обращаясь к хозяевам бара, громко:

— Привет, меня зовут Хейдьюк. Я хиппи.

Смит замер, глядя в зеркало позади стойки бара.

Несколько ковбоев, водителей и строителей взглянули на Хейдьюка и вернулись к своим негромким разговорам. Хейдьюк заказал еще одну порцию «ерша». Когда музыкальный автомат умолк во второй раз, он выступил во второй раз. Четко и ясно.

— Меня зовут Хейдьюк, — ревел он, — и я не как все. Летом я хожу босиком. Моя мать живет на пособие, и я хочу сказать вам, мужики, — я рад, что я здесь. Потому что если б не такие мужики, как вы, я бы должен был зарабатывать себе на пропитание. А так я только и делаю, что читаю грязные книжки, колюсь да тискаю маленьких девочек.

Смит быстро оглянулся вокруг в поисках выхода.

Хейдьюк ждал. Последовало несколько ухмылок, несколько тихих комментариев, но никакого серьезного, искреннего или осмысленного ответа. Водители, и ковбои, и строительные рабочие, и даже барменша, все они, занятые друг другом, игнорировали его. Его, Джорджа Вашингтона Хейдьюка, босяка, хиппи, крикуна.

— Я был сержантом Зеленых Беретов, — пояснил он, — и могу пнуть в зад любого молокососа в этой комнате.

За этим объявлением последовало несколько секунд почтительного молчания, несколько прохладных улыбок. Хейдьюк оглянулся с намерением продолжить. Но снова вмешался музыкальный автомат, перебив его выступление.

Смит сжал его руку.

— Ладно, Джордж, это здорово, молодец. Теперь давай уносить отсюда ноги. И поживее.

— Ну, гадство, — пожаловался Хейдьюк. — Хоть пописаю сначала.

Он повернулся, остановив пристальный взгляд на маленькой надписи БЫКИ рядом с дверью, где было написано КОРОВА. Войдя, нашел защелку и заперся в кабинке. Окрашенная почками урина текла перед ним (сонно), как источник святой воды. С наслаждением писая — о, это экзотическое облегчение! это мистическое освобождение! — он читал надпись на торговом автомате, прикрепленном к стене:

Улучшайте личную жизнь!

Присоединяйтесь к «Новым приключениям»!

с САМОА!!!

Экзотические Новые Презервативы

Цвета Южных Морей!

Красные, как Закат, Черные, как Полночь,

Золотые, как Заря, Голубые, как Утро,

Зеленые, как Сиеста!

Новая Свобода, Новое наслаждение!

Специальная смазка!

Краски Не Стираются!

(Способствуют избавлению от венерических заболеваний).

Снаружи, в сиянии солнца, в удушающем зное, проплывавшем над бетоном и асфальтом, Хейдьюк снова пожаловался.

Смит принялся успокаивать его.

— Все эта сексуальная революция, Джордж, — объяснял он. — Она наконец добралась даже и до Пейджа. Теперь даже эти тут водители и строители могут трахаться, когда угодно.

— Ну, черт.

— Теперь даже ковбоев можно уложить.

— Черт ...

— Вот твоя машина, Джордж, вот она, здесь. Вот этот джип. Не лезь через окно. Открой дверь.

— Дверь не открывается. — Он пролез внутрь через окно и высунул наружу свою жуткую голову. — Все равно мне это не нравится.

— Вот так оно есть теперь тут, Джордж. Не хотят они больше драться, вот и все. Берегут силы для ночной смены.

— Да-а? Ну, черт. Как отсюда выбираться?

— Езжай за мной.

— Может, и мне это нужно.

— Завтра мы ее увидим, Джордж. Может, сводим ее поплавать в какой-нибудь затхлый пруд в этом ее черном бикини.

— Кому оно надо? — говорит Хейдьюк, философ и лжец.

Они снова пожали друг другу руки хваткой скалолазов, мощная рука на волосатом запястье в неразделимом союзе, совершенное соединение костей, сухожилий, мышц, кровеносных сосудов. Выехав на улицу, Хейдьюк сделал полный круг вокруг супермаркета, пока не определился с направлением, и поехал на юг за Смитом, с роскошным свистом резины, стильным горением пористого асфальта.

Дорога шла по изогнутой в форме полумесяца улице Иисуса, на которой все тринадцать церквей Пейджа расположились в ряд, плечо к плечу (все христианские, конечно), в экуменистическом единстве. Их покой не нарушался никакой земною суетой, за исключением старых автомобилей на свободной площадке для парковки да пьяных, заброшенных индейцев-навахо, наполовину скрытых бурьяном и расшвырянными винными бутылками.

Пейдж, Аризона: тринадцать церквей, четыре бара. Город, в котором церквей больше, чем баров, такой город всегда будет иметь проблемы. Он просто ищет проблем. Они даже пытаются сделать христиан из индейцев. Как будто индейцы и без того еще недостаточно плохи.

Отъехав двадцать миль от города, они свернули с автострады, чтобы разбить лагерь на ночь и приготовить себе ужин на чистом и страстном огне костра из можжевельных углей. Одни, в этой золотой долине пустыни Навахо, вдалеке от всех домов и людей, они ели свои бобы

под раскинувшимся во все небо пожаром одного из прекраснейших божественных закатов Аризоны.

Завтра они едут в Бетатакин встречать Дока и Бонни. Оттуда — на Черную гору, на короткую дружескую беседу с угледобывающей компанией Пибоди, железнодорожниками Черной горы и озера Пауэлла. А потом? Они предпочли не строить дальнейших планов. Отрыгнувши, пописавши, попукавши, почесавшись, поворчав, почистивши зубы, они развернули свои спальники и улеглись спать на песчаном ложе.

Смит был разбужен после полуночи, на заходе Скорпиона и восходе Ориона, какими-то глухими стонами, доносившимися из соседнего мешка. Он поднял голову, глядя в освещенную звездами темноту, и увидел, как Хейдьюк извивается, тербит что-то, услышал, как он выкрикивает:

— Нет! Нет! Нет!

— Эй, Джордж!

— Нет!

Охваченный ночным кошмаром, Хейдьюк дрожал, стонал и извивался в своем засаленном коричневом армейском спальнике. Смит не мог дотянуться до него, не выползая из своего мешка, а потому запустил в него своим ботинком и попал по плечу. Внезапно стоны прекратились. Когда глаза привыкли к темноте, Смит увидел тусклый отсвет на стволе и цилиндре магнума .357, который Хейдьюк неожиданно извлек из спальника. Дуло повернуто в сторону Смита, ищет цель.

— Джордж, это я.

— Кто это?

— Я, Смит.

— Кто?

— Ради Бога, Джордж, проснись.

Хейдьюк помолчал.

— Я не сплю.

— Тебе снились кошмары.

— Я знаю.

— Опусть эту чертову пушку.

— Кто-то что-то бросил.

— Это я. Я пытался тебя разбудить.

— А-а. Понятно. — Хейдьюк опустил дуло пистолета.

— Думал сделать как лучше, — сказал Смит.

— Ага. Тьфу, черт.

— Спи дальше.

— Ага. Хорошо. Только, Редкий, знаешь, — не буди меня так больше никогда.

— Почему?

— Это небезопасно.

— А как я должен был разбудить тебя? — Ответа от Джорджа Хейдьюка не последовало. — Так какой же безопасный способ разбудить тебя?

Некоторое время Хейдьюк думал. — Нет никакого безопасного способа.

— Что?

— Нет никакого безопасного способа меня разбудить.

— Ну, ладно, — сказал Смит. — Следующий раз просто дам тебе камнем по башке.

Хейдьюк подумал.

— Ага. Вот это единственный безопасный способ.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:01:46

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:02:06